

Одесса

1

Тел, подставленных солнцу на пляже, — двое.
Чистый кальций в костях, терпеливых к зною.
Море — хлев, и стоящее в стойлах стадо
по-подводному радо.

И не странно, что выпав из лапы стресса,
окунает в море лицо Одесса,
ибо где нету выхода для печали,
там ошибка вначале.

Это — солнце всегда, над любым сараем,
это кран, где мы бреемся и стираем.
Это город, который — восторг и выдох.
Это блики на рыбах.

Это дом с голубятней, где на канате
голубой купальник студентки Кати.
Это шкварки и смалец дощатых лестниц
и похабные песни.

Это лепка карниза под штукатуркой,
повсеместная страсть к полноте желудка.
Это летние домики с номерами,
это ночь с комарами.

Это степь под колхозами, под бахчами,
и луна на рейде над проводами.
Это мол и маяк, и в мазуте гавань.
Это дворничка Клава.

Тут пасхальное солнышко над евреем,
ветхий дом, где мы нежимся и стареем.
Это мусор дворов, городская свалка
и Холодная Балка.

Пара нищих старух, чистый профиль женский
возле входа в собор по Преображенской,
в майонезном небе ажур балконов
и заправка сифонов.

Это то пространство, которым с детства
терпеливо бредит во мне Одесса.
Это то, на чем выросли мы и отъелись.
Это южная ересь.

2

Я хотел рассказать, как в лимане мира
долго гнила в лазури моя порфира.
И когда я извлек ее из-под спуда,
с миром сделалось худо.

Так зачем в это главное время года
наступает от съеденных дынь икота?
Почему на берег сошел моряк?
Разве что-то не так?

Да, проходят годы, желтеет пресса.
И стареет в лужах моя Одесса.
Чудо-город, который давал все сразу,
помутился, как разум.

Истекающий персиком лик Привоза,
экономить повсюду зовущий лозунг,
магазин "Океан" вместо свежей рыбы
и бетонные глыбы.

Это кислое знание наших дедов.
Это снова их речи, их дым обедов.
Это руны, летящие на сквозняк.
Разве это не так?

И не странно, что выйдя из глаз удода,
выбирает худший прогноз погода.
Флотоядные волны над парусами.
Очень хочется к маме.

Потому-то ты там, где нельзя без весел,
что учитель тебя на просторах бросил.
Ты один в темноте, на воде залива.
Как тебе тоскливо!

Изначальная жадность земельной ренты
протянула к морю свои проценты.
Видно, нет больше повода для печали,
чем ошибка вначале.

Ты не сможешь догнать, и не сможет пуля
отлетевшее солнце в сквозняк июля.
Согласись, мы летаем гораздо ниже,
чем летучие мыши.

Морозящей строкой по заливку леса
улетает в полночь моя Одесса,
оставляя слева по борту бакен
и Пересыпский факел.

Значит, вечная жадность и сласть порока
не дадут никому и ни в чем зарока,
ибо, где нету солнца на горизонте,
разворочены соты.

3

Что б там ни было, друг мой, кончай ругаться.
Сохрани это счастье вдыхать акации.
И хотя ветерок проскользнул за ворот —
это ласковый город.

Он достаточно многое нам оставил:
Хаджибейское солнце и соль в кристаллах,
те же летние домики с номерами.
Ну а пышные дамы?

Это даль, куда баржи увозят дыни,
влажный свет волны в купоросной сини.
Тот же вечный бульвар и его куранты,
те же детские банты.

Это то, что не кончится очень долго:
камышовых стенок скелетик дохлый.
Этот якобы всех интерес к диете,
эти наглые дети.

О лиманской грязи цветов и запах!
Мы позволим себе утверждать, что Запад,
бесконечно много в себя вобрал,
наглотался отрав.

И по-прежнему бабушка водит внука
погулять на площади возле Дюка,
где сидят и курят, склонив головки,
чудо-девы в кроссовках.

.....

Нержавеющим вальсом по крыше лета
пролетела к морю твоя планета.
Что нам делать? Смотреть и дышать на стекла,
раз планета намокла.

Будь, как скромный художник у колоннады,
постигающий сизую суть прохлады.
Видишь, дождик пошел? И рисует дождик
этот самый художник.

4

Тел, подставленных солнцу на пляже, — двое.
Чистый кальций в костях, терпеливых к зною.
Море — хлев, и стоящее в стойлах стадо
по-подводному радо.

Полюби этот свет полусгнившей тины.
Снова море устроило именины.
Это спящая в нем синей крови чаша
манит головы наши.

Нью-Йорк